

— Почему же этот мандат никем не подписан?
— Чудак! Да под ним весь рабочий класс подписывается!

Рис. К. Хомзе

НА МЕЖДУВЕДОМСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ

ВСЕ РАБОТАЮТ С НАДЛЕЖАЩЕЙ „УВЯЗКОЙ“, И КАЖДЫЙ ГНЕТ СВОЮ ЛИНИЮ.

НОВОГОДНИЙ РАССКАЗ

Все были заняты своими привычными, обычными делами, когда «Крокодил» сказал, обращаясь ко всем вместе и к каждому в отдельности:

— С новым годом, товарищи! 1927 год наступил, товарищи!

Все на минутку оторвались от своих обычных, привычных дел.

— Хорошо,—ответил совбюрократ:— подайте об этом письменное заявление и зайдите через недельку. Мы рассмотрим.

— 1927?..—задумчиво удивился профбюрократ. — Хым, мне кажется, что этот вопрос требует предварительного согласования. Он не обсуждался еще ни ГСПС, ни администрацией, а вы сразу выносите его на общее собрание. Нельзя же так, т. «Крокодил»!

Хозяйственник спросил:

— А как фамилия рабкора, который сообщил вам об этом?.. Впрочем, о нем мы поговорим в другом месте, а пока— потрудитесь напечатать мое опровержение. На всякий случай я заготовил его еще до появления вашей непроверенной, бьющей на сенсацию, заметки.

В комитете по делам изобретений заявили, вяло прожевывая пищу:

— Что ж, можно будет рассмотреть... Года через три мы дадим заключение. Однако, не самообольщайтесь: тогда, наверное, выяснится, что за границей изобретены уже и 1928 и 1929 годы, так что ваш 1927 окажется давно использованным старьем. У нас всегда так: изобретут давно изобретенную вещь, а потом жалуются на недостаток внимания!

В страхкассе осведомились:

— А где же, скажите, 1926-й, который полгода назад начал через нас очки себе выхлопатывать? Ах, уже помер?.. Не дождался, бедняга... Ну, 1927 помрет: все, ведь, там будем.

На Бирже Труда замахали руками:

— Уже принят, уже принят на службу! Старый сокращен, а этот—на его место. У нас это очень просто устраивается.

Из рабочего клуба уныло отозвались:

— За неявкой докладчика—отменяется!

Из какой-то комиссии деловито откликнулись:

— **Слушали:** о наступлении 1927 года. **Постановили:** за поздним временем, а также в виду сложности вопроса, поручить особой подкомиссии, каковую сорганизовать в составе...

Дослушать «Крокодил» не смог: у бедняги в срочном порядке завяли уши.

Тяжко вздохнув, он сказал:

— Вот тебе, бабушка, и с новым годом! Год-то новый, а разговоры-то старые... Опять, значит, придется вилами все в те же места бить!

И взялся за вилы.

Плохо во всей этой истории только то, что у «Крокодила» завяли уши. Но насчет ушей — это так, для занятности выдумано: и не думали они увядать.

Все остальное тоже, может быть, выдумано, но не для занятности, а для того, чтобы «Крокодил» не выпускал из рук вил.

Небось, и ему хотелось отдохнуть по случаю праздничков. А отдыхать еще рано. Некогда: работы невпроворот.

Никита Крышкин.

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

Заяц может питаться одной капустой, но держать на одной капусте фабзайца — не рекомендуется.

★

В любом клубе красный уголок—один, а темных уголков—много.

★

Все дети—цветы земли, но немногие из этих цветов растут в детских садах.

★

Опровергать—легко, а опровергнуть—трудно.

★

Прогулка—полезна, но о прогуле этого сказать нельзя.

★

В общежитиях разводы редки, потому что там и разойтись негде.

★

Любовь подобна рабкредиту,—все поизносится и потускнеет, а платить надо.

★

Крестин—все меньше, а кумовство не убавляется.

Беспартийный Савелий Октябрев.

Рис. К. Х.

НОВОГОДНЕЕ

(По образцам ушедшей и пришедшей литературы)

I.

СПОТЫКАЧ С КИЛЬКОЙ

(Арк. Аверченко)

Толстый чиновник Акакий Илларионович Шляпочкин посмотрел на собравшихся взглядом пожившего и поевшего человека и начал:

— Расскажу я вам, дорогие мужчины и славные дамочки, о том, как бывало у нас под новый год кушано. Кушали мы прочно. И однажды, помню, кушали мы блины. Ну, известно, — блинки с икоркой, со сметаной. Покушавши блинков, приступаем мы к гусю. Гусь же — птичья порода и без портвейна в глотку не пойдет. Так-с. Покушали это мы гуся. Глядим — несут поросеночка под хреном. И поросеночек не плох, но тут поднимается Иван Иванович Калакуцкий и заявляет протест:

— Протестую, говорит, и возражаю: после гуся, говорит, не потребляю поросся. После гуся, говорит, надо же-ж супу же. А вы свинку мне подкладываете. Обидно даже!

После того, полгода не проживши, помирает этот самый Иван Иванович. И отчего бы, вы думали, помер человек? Холодной телятинки переел и спотыкачем не запил. Добро бы еще с гуся помереть, а то... Ну, да ладно, помер и нету, а живым нам кушать надо же ж. Вот, значит, кушаем это мы. Как вдруг смотрим: замолчал на семнадцатом блюде Андрей Петрович. Открыл свое хайло и—ни тпру, ни ну. Что так? Почему такое? А ну, говорю, суньте-ка ему в глотку минимальную кильку. И, представьте вы себе,—даже килька не пролезла. Во как ели! Теперь уж не так едят! — молвил со вздохом толстый Шляпочкин и замолчал, облизываясь...

II.

ВПЕРЕД!..

(Ю. Либединский)

Сознательный товарищ Сергей Массовый высоко поднял бокал, на котором алела надпись: «Да здравствует красная трезвость!». Пенился в бокале крепкий китайский чай, как символ нашей дружбы с пробуждающимся Востоком.

Товарищ Массовый говорил:

— Я поднимаю бокал за поднятие производительности труда, за ликвидацию безграмотности и за снижение цен в госрознице!

Следующим выступил товарищ Агитпропов. В его высоко поднятом бокале пенился лимонад. Клавдия Алимент шаловливо подлила в бокал Агитпропова шипучее ситро.

— О, что вы! — воскликнул товарищ Массовый, — разве можно смешивать напитки? Ведь, получится ерш, и товарищ Агитпропов не сможет увязать свое слово с новым годом!..

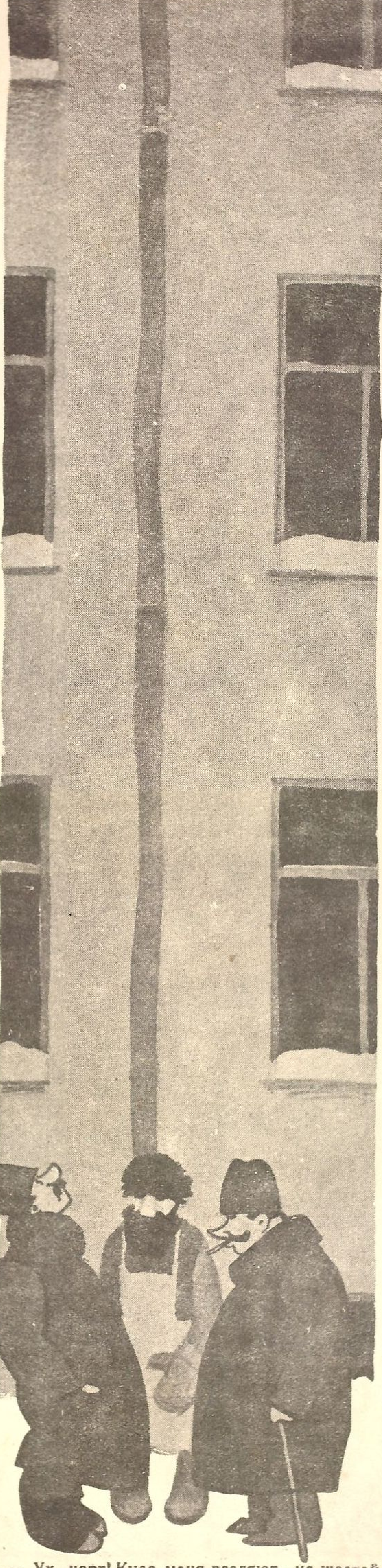
Бил двенадцатый час.

Товарищи-собравшиеся обстоятельно прорабатывали чайную колбасу и согласовывали ее с горчицей.

Сознательное время двигалось вперед.

ВСЕ К ЛУЧШЕМУ

Рис. К. Елисеева

— Ух, чорт! Куда меня вселяют—на шестой этаж!

— А ты, товарищ, не горюй! Дом—новый, он еще сядет!

III.

ПОФАРТИЛО

(Артем Веселый)

Не будем карячить о том, как наш браток за счет новых годков подкармливался. Майна — вира с фартом и — четыре сбоку, ваших нет!

Маньку Башмалу Мишка Шкворень поддел. Манькину голову с плеч спихнул:

— Рост в ей слишком длинный. Без головы все ж таки фигура покороче станет!

Манька—сука. Обратное заявление подает за изнасилование. Но ничего—обошлось.

И ковырял сукин сын Мишка кистенем в зубе, об'являл:

— Будя!.. попито! Старое в доску отменёно. И остается раз навсегда новый в нас годик, без никаковых старых годков. Будя... фатит гнать в огонь, в тряпочки, в бабий вой, в вашу тифозную, в чорт те что. Вира!!.

IV.

ДОВОЕННОЕ КАЧЕСТВО

(М. Зощенко)

Вот издрасте, дорогие гражданчики, гражданята и товарищи. Сам я есть тоже, конечно, гражданин, хотя по церковной выписи из ЗАГС'а—как раз я—городской мещанин. Вот тут и выходит! А что выходит? А то выходит, что нету у нас, извините, довоенного качества. К примеру же и расскажу.

Вот, например—я. И вот, например — новый год. Очень прекрасно. Сажусь за обеденный столик. Сел.

Так-с. Хорошо. Ничего себе.

И что тут, например, получается, граждане — прямо удивительно. Елки и палки! Русская вобла заграничной килькой прикинулась и лезет в ревельскую коробочку. Как? Что? Почему? Ну, конечно, на девятом годике очень даже это обидно. Елки, говорю, палки. Какая же ты, говорю, килька, ежели ты есть окончательно вобла? А она молчить. Как это так индифферентно, говорю, ты молчишь? Тебе говорят? Мине—отвечает. — Только разговаривать я с вами, гражданин, совсем не буду. Потому, говорит, что есть я немая рыба и разговаривать мне никак не положено. Ну, туда - сюда. Смотрю — сыр без слезы. Куда же это, кричу, слеза подевалась? Какое ж это к чорту довоенное качество, ежели сыр без слезы?

И вот—издрасте—призывают меня в домком и намекают на общественную тишину и беспорядок.

— Напрасно вы, говорят, гражданчик, панику порете. Не будет больше вам слезы в сыре. С самого Октября у нас вышеуказанные слезы упразднены!

И вот вам издрасте, дорогие товарищи-граждане, вот как все наоборот получается, елки-палки!

И вот издрасте — под самый новый год кушаю с семейством сыр государственный и собственной слезой давлюсь. Издрасте—за что же ж мы, граждане, боролись?

Л. Митницкий

О СЕМИ ШКУРАХ

(Старая, но вечно новая история)

Рис. Ив. Малютина

— ЭХ, ХОТЬ И ДОРОГО, А НАДО КУПИТЬ ДРОВИШЕК!

КУПИЛ.

ПОБЕДА НА БЮРОКРАТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Товарищ Орджоникидзе на с'езде профсоюзов показывал картинки из событа бюрократов и бюрократиков. Мы слушали и диву давались,—откуда их столько?

Товарищ Орджоникидзе говорил:

«Если мы хотим провести действительный режим экономии не на словах, а на деле, то мы должны самым беспощадным образом уничтожить бюрократизм, который имеется во всех наших учреждениях».

Мы счастливы довести до сведения товарища Орджоникидзе, вопервых, и всех наших читателей, во-вторых, что далеко не во всех наших учреждениях имеется бюрократизм! Есть все-таки счастливые исключения из печального общего правила, и эти исключения радуют нас, порадуют, надеемся, и товарища Орджоникидзе, порадуют всех советских граждан.

Дело было так: сидели мы в «Крокодиле» и просматривали текущую почту. Вскрываем один пакетик,—жалоба на бюрократизм! Другой—то же самое! Третий—опять по тому же месту! Что ты станешь делать? Грустно на душе стало, печально, препечально! Вдруг... как будто солнышко засияло, расцвели незабудки и запели птички на разные голоса ласково-ласково!!! Раскрываем пакет и читаем:

РСФСР Автономная область КОМИ Отдел труда Обисполкома г. Устьсысольск. № 65 26 ноября 1926 года	*В журнал „Крокодил"* *Посланная заметка в Ваш журнал из гор.*

Устьсысольска Автономной одласти Коми под псевдонимом „Выживающий" о незаконном распределении остатков заработной платы по прокуратуре. Отдел Труда считает заметку явно тенденциозной. В целях установления истины, считаем необходимым сообщить следующее...

Из этого «следующего» явствует 1) что по прокуратуре были распределены остатки кредита от заработной платы, 2) что прокурор по колдоговору получал 160 рублей в месяц, а имел право по закону на 182 р. 70 к., почему при дележе получил 140 рублей, в чем отдел труда «по дополнительному соглашению с профсоюзом нарушений не находит»!

Что ж! Раз «по дополнительному соглашению с профсоюзом», то и мы «нарушений не находим»! Какие тут «нарушения», когда самое письмо является осиновым колом в могилу бюрократизма? Пес с ними, с нарушениями!

Разве можно говорить о нарушении пожарных правил, если пожарные за полчаса до пожара уже на месте?? Это даже не победа над бюрократизмом, а чудо науки и техники!

Порадовались мы поведению отдела труда автономной области Коми в свое удовольствие. Настолько рады были этому учреждению, без всякой волокиты и без намека на бюрократизм посылающему опровержение раньше заметки, что на полученную на другой день после опровержения заметку и внимания никакого не обратили. В самом деле, ерунда какая-то:
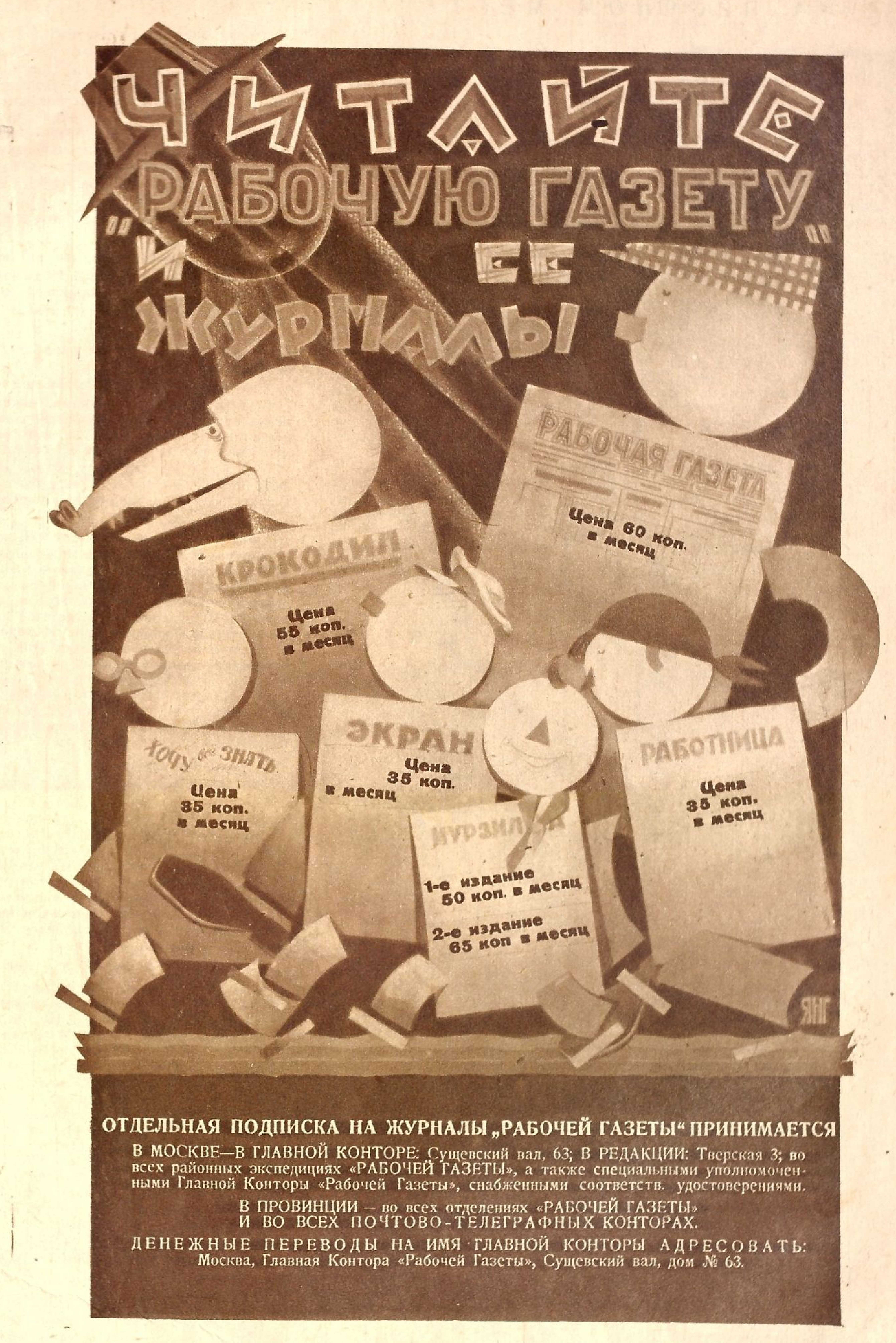
«Прокурор области Коми т. Соколов недоволен своими служащими, называет их алчными за то, что они имеют дерзость просить на основании коллективного договора о распределении остатка кредита от зарплаты. Между тем, когда происходило распределение остатка кредита, то он не забыл себя и получил за два раза с лишним 140 рублей, хотя согласно пункта 2 генерального коллективного договора т. Соколов, как глава учреждения, не имел права участвовать в распределении остатка кредита. Спрашивается, кто же алчный: технический ли работник, имевший законное право на получение остатка и получивший за два раза всего 20 рублей, или прокурор, не имевший на это права и получивший с лишним 140 рублей?

„Выжидающий"

Нет, товарищ Выживающий! Не пройдет ваше дело! Ну, не имел права по § 2 колдоговора, ну, обозвал всех алчными! Все это мелочи советского быта! И 140 рублей — мелочь. А вот гибель бюрократизма,—опровержение накануне заметки—это уже достижение, это уже вещь!

Привет борцам против бюрократизма, товарищам: Неволину, заведующему отделом труда Коми, инспектору труда Худяеву и прокурору Соколову!

В. П.

НА ПРОЧНОМ МЕСТЕ

Рис. М. Храпковского

— Счастливый ты, календарь! Вот повесил я тебя, и будешь ты висеть целый год, и никто тебя не сократит, не перебросит и не выбросит...

СПЕКУЛЯНТСКИЕ ПЕЧАЛИ

— По-моему, этот новый год ни дать, ни взять похож на прошлый.

— Почему?

А потому, что ни дать, ни взять.

В. К.

ВРЕДНАЯ БОЛЕЗНЬ

— Ты что же до сих пор не устроился на службу?

— А у меня рука заболела.

— Ты что же — порезал что ли? или вывихнул?

— Да нет! В учреждении у меня рука была,—Иван Иваныч — вот он и заболел.

ДЕЛИКАТНАЯ ПРОФЕССИЯ

Иван Диомидыч горделиво подмигнул гостю, приехавшему из провинции брату жены, чокнулся и самодовольно расправил усы.

— Так ты спрашиваешь, дорогой Андрюша,—какую я должность занимаю у себя в синдикате? Должность, брат, моя тонкая и деликатная. И хоть числюсь я обыкновенным секретарем, но работа моя совершенно особенная. Ювелирная, можно сказать, работа. Работаю я, милый Андрюша, по литературной части.

Гость с почтительным изумлением посмотрел на Ивана Диомидыча и даже поперхнулся:

— По литературной части? Да какая же может быть в синдикате литературная часть?

Иван Диомидыч снисходительно улыбнулся.

— Есть, брат, такая.

— Что же... рекламы, что ли, какие сочиняете? Или что?

— Какие там рекламы! Подымай выше! Я, брат, во всех газетах и даже в журналах свои произведения помещаю.

— Так вы, выходит, писатель?

— Вроде того.

— А при чем же тут синдикат? За что же вы там-то деньги получаете?

— А вот за это самое! За мои писания!

Андрюша развел руками, покачал головой и весь обратился в недоумевающий и недоверчивый вопросительный знак, к вящему удовольствию Ивана Диомидыча, который захохотал так весело и громко, что даже посуда звякнула на столе:

— Что? Загадал, брат, я тебе загадку? А? Ну, ладно уж, не буду тебя больше запутывать! Так и быть, открою тебе тайну своей службы. Служу, брат, я в синдикате штатным опровергателем. Понял?

— То-есть... как?

— А так. Очень просто. Ты знаешь, что такое опровержение? Посмотри—в любой газете можешь найти! «Уважаемый товарищ редактор! В ответ на заметку такую-то, помещенную в № таком-то вашей уважаемой газеты,—правление синдиката считает себя вынужденным заявить нижеследующее...». Ну, и так далее. Читал? Так вот это моя работка! Я, знаешь, еще с детства питал пристрастие ко всяким таким литературным упражнениям. И характер у меня тоже подходящий,—с ехидцей и уколоть люблю, этак поддеть на крючок. Пробовал я в юмористические журнальчики кое-что пописывать—не приняли, сорвалось. И я было совсем от литературы отбился. А тут вдруг подвезло. Написал одно опровержение—понравилось, другое—тоже. И попал, брат, я на свою линию! Теперь, брат, у меня двое подручных, третьего собираюсь заводить. Вот если бы ты немножко был поразвязней...

Андрюша вздохнул:

— Куда уж... А работы, говорите, много?

— Бездна! Океан работы! Ты рассуди сам: у нас в синдикате восемь заводов крупных, да подсобные предприятия, да отделения, да то, да се. И везде рабкоры есть. И все пишут. И всех опровергать надо. Как же работе не быть? Захлебываемся, прямо, в работе! Уж я и то стараюсь часть работы механизировать, облегчить. Есть, понимаешь, дела серьезные. Это—если рабкор пошлет материал какому-нибудь фельетонисту, а тот возьмет—да фельетон целый и бабахнет. Тут, конечно, простой бумажкой не отделаешься. Тут на фельетон свой фельетон писать приходится. Это уж—художественное произведение. Это уж я сам сочиняю.

— И что же—за своей подписью?

— Нет, конечно! Подписывает начальство. А иногда так здорово напишешь, что прямо больно начальству на подпись давать. Так и хочется самому подмахнуть... Ну, да что делать—служба! Да... Так это с серьезными делами такой порядок. А с заметками маленькими — у нас проще. Тут я даже особый трафарет выработал двух образцов. В первом образце—все факты заметки опровергаются: все, что написано в заметке, пишется наоборот. И потом, конечно, несколько строк возмущения. «Удивляемся, мол, как редакция помещает безответственные измышления несознательных элементов», и так далее. Это первый образец. А второй—тоньше. Второй пишется тогда, когда фактов в заметке сам чорт не опровергнет. Все правильно, и даже придраться ни к чему нельзя. Тут я делаю так. В первой части опровержения подтверждаю полностью все, что написано в рабкоровской заметке, а во второй пишу, что, несмотря на это, сам тон заметки грубый и беспардонный и подрывает, мол, доверие к руководителям, и вовсе, мол, не оправдывается мелкими недочетами, на которые указывает автор.

Андрюша восхищенно посмотрел на Ивана Диомидыча:

— Здорово! Ну, и что же? Помещают опровержения? Всегда?

Иван Диомидыч вдруг поблек:

— Нет! Совсем не всегда! Хорошие времена прошли. Мало стали помещать. Все фактического материала требуют. А где его взять?

И, вдруг махнув рукой, он снова повеселел:

— А мне—что? Помещают, не помещают—я свое дело делаю! И не маленькое дело! Зря хлеб не ем!

Вас. Лебедев-Кумач

ТОЛКОВЫЙ РЕБЕНОК

— Папа! Вот ты мне к новому году книжки подарил,— сколько ты за них заплатил?

— Три с полтиной. А что?

— Хочешь, я тебе их за полтора рубля продам? Книжки—дрянь, а мне как раз проволоку для антенны нужно.

НЕ О ХЛЕБЕ ЕДИНОМ

Когда мне пришлось в Ростове-на-Дону сойти с поезда и ждать пересадки, сразу же на вокзале меня поразила какая-то суматоха, торопливая погрузка, разгрузка и перегрузка. Бегали служащие, сцепщики, смазчики, носился, как угорелый, дежурный по станции с громадными пломбирными щипцами,—словом, как говорится, жизнь кипела ключом.

— Эге!—подумал я.—Ростов остается крупным центром южной торговли. Наверно, хлеб грузят? Вот и говори после этого, что у нас хлебозаготовительная кампания иногда не важно идет!

Решил удостовериться и поймал за рукав дежурного по станции:

— Скажите, товарищ, это что грузится?

— Севкавгосторг! Хлебозаготовки!

— Ага! Значит успешно проходит кампания?!

Дежурный глянул на меня с диким изумлением, ничего не ответил, вырвал рукав и, помахивая в воздухе пломбирными щипцами, помчался куда-то вдаль.

— Очевидно, вопрос праздный!—решил я.—На него даже не отвечают,—сам, мол, должен видеть!

Успокоившись за судьбу хлебозаготовок, вверенных Севкавгосторгу, я пошел в буфет, устроился за столиком и начал строчить корреспонденцию о хлебозаготовительных операциях, о переброске хлебных грузов, об энергичной деятельности железных дорог. Как раз в тот момент, когда я заканчивал свою корреспонденцию словами: «Побольше бы таких хлебозаготовителей», — ко мне подошел, вспотевший от беготни, дежурный по станции, ткнул меня куда-то перстом и сказал:

— Вы интересовались? Вот!!!

Из-за дежурного вылезла скромная фигура типичного совслужащего: черное пальто-реглан, серая кепка, спущенная на лоб, под рукой—желтый портфель, в глазах—океан достоинства, взгляд веселый, но без улыбки.

— Представитель Госторга, руководящий погрузочными операциями! Изволили интересоваться хлебозаготовками, гражданин? Вы как—от себя, или от газеты?

Я доложился. Представитель расцвел:

— Вы, товарищ, интервью у меня возьмете или хотите, чтобы я вам изложил в основных чертах нашу работу?

Я протянул ему только что написанную корреспонденцию и попросил указать те места, куда вкрались неточности. Он читал со вкусом, утвердительно кивал головой и сказал:

— Тут, извините, у вас небольшая ошибочка! Конечно, все это результат хлебозаготовительной кампании, в общем и целом если взять. Но не хлеб,—отнюдь!

— Как не хлеб? Вы же хлеб заготовляли?!

Он взял меня за пуговицу и ласково начал рассказывать:

— Видите ли, какое дело... Здесь две стороны: с одной стороны—борьба с извращениями режима экономии, а с другой—результат учетной,—понимаете? не самой заготовительной, а следующей за ней!—учетной кампании. Надо вам сказать, что наш Госторг заготовил в прошлую кампанию не только хлеб, но и полуфабрикат отчетности, то-есть книги, бланки, ведомости, акты и квитанции. По проведении отчетно-учетной кампании у нас остались на руках излишки этого полуфабриката, а именно **пять вагонов отпечатанных и переплетенных книг, бланков, ведомостей и квитанций.** Кроме того — **сто пудов бланков незначительного формата,** о которых, впрочем, говорить не приходится,—они уже проданы на бумажную фабрику, как хлам,—негодны к употреблению вследствие именно незначительности формата. Что же касается до этого остатка в пять вагонов...

— Бумаги?!? Пять вагонов?!?

— Не бумаги!—вежливо поправил он,—а книг и бумаги! Так вот этот остаток в целях борьбы с извращениями режима экономии мы рассылаем сейчас по нашим девяти спецконторам. Понимаете? Неоднократно были нарекания на то, что режимят на черновиках, на отпусках и так далее, словом, на мелочах! Вот мы и рассылаем весь остаток для использования на черновики, копии и оттиски деловых писем. На пять лет обеспечены!

— На пять лет?!

— Подсчитано-с! Специальная комиссия работала по подсчету! Ну, конечно, железной дороге работка по переброске этого материала! Не щепки ведь перевозят,—на сто тысяч рублей имущества! То-есть себестоимость—сто тысяч, а так—конечно, макулатура-с. Зато не будут экономить на черновиках... Так что корреспонденцийку-то посылайте, посылайте! Но вот ваша ошибочка: не хлеб это, товарищ!

. . . .

Хлеб, не хлеб, а для кого-то—дело хлебное!!!

Вл. Павлов.

Рис. Ю. Ганфа

ХУЛИГАНЫ И 1927-ой

— Ну, как — встретил новый год?
— Нет еще. Но если только он мне попадется — не поздоровится ему!

МУЗЕЙ

Журналист Охулкин, приехавший на завод для сбора сведений об итогах работы прошедшего двадцать шестого года, очень быстро успел переговорить с директором, осмотреть диаграммы, наглядно показавшие и состояние производства, и результаты режима экономии, и кампании по поднятию производительности труда, записал кое-какие цифры в записную книжку и уже открыл выходную дверь, чтобы мчаться на другой завод, как его схватил за полу запыхавшийся от быстрого бега рабочий.

— Стойте, товарищ!.. Насилу догнал...

— Что такое?

— Вы из газеты?.. Неужели уедете и не посмотрите мой музей?.. Итоги прошлого года...

Охулкин вернулся. Рабочий провел его в низенькую каморочку под лестницей и с гордостью разложил на столике экспонаты: огрызок карандаша, пустую бутылку из-под горькой и четыре окурка.

— Вот он—мой музей.

— Для чего вы собрали этот мусор?—удивился Охулкин.

— Мусор! По-вашему, мусор—это дрянь, нестоящая внимания? А вот я, уборщик, весь век с мусором вожусь и я понимаю, что в мусоре—корень всех вещей... Вымети пол и покажи мне мусор—я тебе сразу скажу: кто сидел, сколько человек, что делали. От каждого заведения свой мусор. Завком соберется—один мусор, правление—совсем другой, ячейка—третий.

Охулкин заинтересовался.

— А вот этот мусор остался от самых важных кампаний прошлого года. Видите этот карандашик? Обыкновенный огрызок, его и в руке не удержишь... А это не огрызок вовсе, а итог кампании по режиму экономии...

— Как так?

— Очень просто. Наш директор здорово за экономию принялся. Особенно насчет канцелярских расходов: бумаге—учет, перьям—учет, карандашам—учет, к чаю сахар—свой... Одним словом, как и везде. И вот является один конторщик в хозяйственную часть:

— Дайте мне карандаш.

— Нельзя, согласно режима—один на месяц...

— Так у меня работы много—раньше исписался...

— Сдай огрызок, тогда новый дадим.

Он побежал за огрызком: весь стол перерыл—нет огрызка. Он опять в хозяйственную часть:

— Велика штука карандаш. Потерялся где-то. Давайте новый.

Ему опять на режим тычут—не дают. Он к директору.

— Безобразие,—говорит,—человека от работы отрывают...

А директор на него:

— Это с вашей стороны безобразие... Что такое карандаш? Карандаш—накладной расход... И пошел, и пошел... Я,—говорит,—уволить вас должен за расхищение государственного имущества в лице карандаша Фабер номер второй!..

Конторщик увольнения испугался и в завком. А у председателя завкома по ошибке жену с завода уволили. Он, конечно, против директора. Строчит бумагу—поставить вопрос в эркака... Директор на своем настаивает:

— Или он (конторщик этот), или я... Если я его не уволю—меня в послаблении изобличат...

И уволил. Конторщик получает ликвидационные, а дело в суд. Суд его восстанавливает в правах,—тогда директор говорит:

— Я не могу с расхитителями в одном учреждении работать.—Автомобиль оседлал и в губком...

Два месяца, а то и больше буза шла. Из-за огрызка. Одной бумаги несколько стоп исписали, три общих собрания было, два автомобиля заездили—до сих пор почините не могут. Штат увеличили, сверхурочные ввели—и все из-за огрызка!..

— Чем же кончилось?

— Оба остались. И директор, и конторщик. Только тому карандаша не дали—пришлось ему на свои деньги купить. И вот подметаю я как-то комнату, гляжу—в углу кипа анкет. Я поинтересовался из-за них вымести,—а там, гляжу, огрызочек лежит. У самой стенки притулился... Я к конторщику:

— Ваш?

— Мой! Давай сюда... Я его для окончательного оправдания в хозчасть представлю.

— Брось, говорю, не бузи. Дай лучше мне—для музея...

— Прекрасный экспонат—согласился Охулкин. Уборщик обрадовался.

— Глядите дальше. Бутылочка—самый обыкновенный предмет, кажется, а тоже итог. По борьбе с хулиганством...

— Ну это понятно,—а зачем у вас окурки?

— А это—результат оппозиции. Собрание у нас было осенью—так на него один пожаловал. Важный такой.

— Дайте, говорит, мне слово. Я—такой-то...

Ему слова не дают—ставят на голосование вопрос. Один выходит—высказывается против. А этот—важный—ходит около двери и курит. Волнуется. Одну папиросу выкурил—другую берет. А там второй выходит оратор—за то, чтобы дать слово. И так говорил—хуже, чем тот, который против. А важный—все волнуется, третью папиросу курит.

Об'являют: слово не давать.

Он четвертую папиросу закуривает, а сам все ходит и ходит, как маятник. Очень уж ему поговорить хотелось... А не дали. Бросил он четвертый окурок и уехал ни с чем.

Ну, а я, как мусор собирал, подобрал и эти окурочки. Вот, мол, итог оппозиционной кампании на нашем заводе...

Мих. Козырев

Рис. К. Елисеева

ЗАБОТЛИВЫЙ

— Слушай, мальчик, тут тебе не место. Ты ступай отсюда. Только сначала остынь, а то ты тут нагрелся и на морозе сразу простудиться можешь.

АРХИВ КРОКОДИЛА

МНОГО ПОДПИСЕЙ, МАЛО ТОЛКУ

Мудреную задачу задала кубанская контора Хлебопродукта всем загпунктам своим приказом от 14 октября 1926 г. за № 223:

С получением сего предлагаем немедленно выслать образцы сурепы в/района и сообщить, какое количество вы можете заготовить таковой в течение сентября месяца.

Зам. *Трофимов*
Зав. опер. отд. *Дорошинский*
Секретарь *Зелик*

О каком сентябре идет речь? Если о сентябре текущего года, то он прошел, а если о сентябре 1927 года, то не слишком ли далеко контора рассчитывает?

Подписей на бумаге много, а толку мало. Вообще мы рекомендуем всем поменьше подписываться под бестолковыми официальными бумагами, а если уж подписываться, то лучше всего на «Крокодил» (Москва, Тверская, 3, в месяц 55 коп.).

КТО ЖЕ ИЗ ДВУХ?

В № 107 газеты «Степная Звезда» напечатано такое мудрое об'явление:

Настоящим Губиздат доводит до сведения учреждений, предприятий и частных лиц гор. АКМОЛИНСКА и его уезда, что АГЕНТ по приему подписки на местные, центральные газеты и журналы ХРУСТАЛЕВ полученных с подписчиков денег ГУБИЗДАТУ НЕ ПЕРЕСЫЛАЛ, а потому принятая им подписка по квитанциям с № 1 по 200 включительно считается недействительной.

АКМОЛГУБИЗДАТ.

А несколько ниже другое об'явление Акмолиздата извещает всех, что издательством принят на службу новый агент, которому и доверяется получение денег от подписчиков по установленным квитанциям.

Судя по об'явлению, дураки в Акмолинске водятся. Это—либо Акмолгубиздат, либо его подписчики. Как говорится,—одно из двух!

ЕСЛИ НЕ СЕСТЬ — ТО ХОТЬ РУКИ ПОГРЕТЬ

Рис. Ю. Ганфа

В МОРОЗНЫЕ ДНИ СРЕДИ ГРАЖДАН ОСОБЕННО ВЕЛИКО СТРЕМЛЕНИЕ К ТЕПЛЕНЬКОМУ МЕСТЕЧКУ.

ВИЛЫ В БОК

ВСЕ НА ПЕРЕВЫБОРЫ!

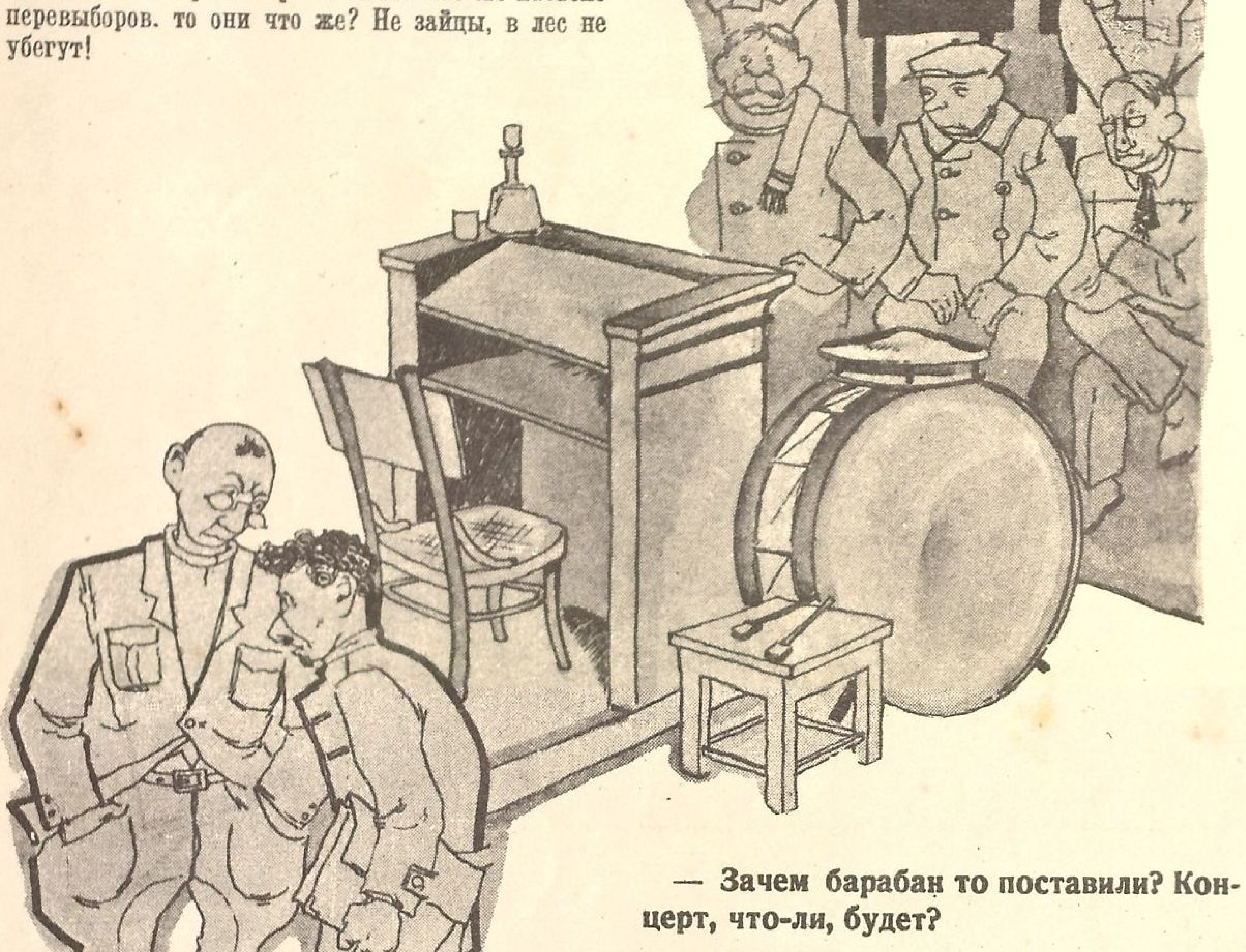
В Калачеевском районе, Воронежской губернии, идет кампания перевыборов комитетов взаимопомощи. Кампания застала парторганизацию врасплох. Райком ВКП(б), заслушав доклад фракции Райкомитета взаимопомощи, поставил ей на вид слабую работу и для проведения перевыборов на 21 ноября мобилизовал весь партактив. Но

> президиум райкома в полном составе в этот день отправился в лес на охоту по зайцам.

Хитрый президиум: зайцы-то прослышали, небось, что все партийцы мобилизованы,—и запрыгали по лесу! Не тут-то было! Что же касаемо перевыборов, то они что же? Не зайцы, в лес не убегут!

МЕХАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Рис. М. Храпковского

— Зачем барабан то поставили? Концерт, что-ли, будет?

— Нет. Это для докладчика. Отбарабанит — и уйдет.

О-ВО „ДРУГ СЕКРЕТАРЕЙ"

Московское общество «Друг детей», по последним сведениям, является также другом взрослых людей, в частности секретарей, как ответственных, так и технических.

В № 6 журнала «Друг Детей» помещена расходная ориентировочная смета московского губсовета о-ва «Друг Детей», в которой черным по белому написано:

> Жалованье ответственному секретарю 930 р. в месяц.
>
> Жалованье техническому секретарю 412 р. в месяц.

Цифры эти повторены 4 раза по месяцам и тут же приведен четырехмесячный итог, так что об опечатке здесь говорить не приходится.

Есть только два способа разрешить эту явную неувязку: или переименовать о-во «Друг детей» в «Друг секретарей», или попросить всех ярых друзей секретарей выделиться в особое общество.

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Как вы думаете, товарищи, что здесь изображено?

Избиение жены несознательным членом профсоюза?

Преступник в тюремной камере, подметающий пол?

Полотер, завоевавший сердце девушки?

Ничего похожего. Снимок этот помещен в № газеты «Труд» от 14 ноября с такой подписью:

«Военный кружок на рабфаке. Чистка винтовки».

ПОСЛОВИЦА НАОБОРОТ

Такой уж у нас порядок установился, что вслед за вновь назначенным директором завода волочится целый хвост «своих» служащих, которые неизменно кочуют по учреждениям вслед за своим «завом».

> Вновь назначенный управляющий госмаслозаводом № 7 в м. Сватово, Купянского округа, Харьковской губ., Закопайло, немедленно по назначении посадил своего знакомого Гершмана приемщиком сырья, потом посадил знакомого на место жаровщика, потом кассира.
>
> В виду «разбухания штатов», Закопайло потом взял и сократил старых служащих (счетовода и кладовщика), хороших работников, чтобы сохранить на месте своих приятелей.

Не имей, как говорится, сто рублей, а имей одного знакомого зава. А сто рублей моментом набегут!

ЛИРИЧЕСКИЙ ИНФОРМАТОР

Информатор Пошехоно-Володарского Укома ВКП(б) свой отчет о проделанной Укомом работе излагает таким высоким «штилем»:

> Были манифестации, митинги и торжественные заседания, делались доклады... Наша беда в том, что мы до сего времени не можем еще поставить правильно учет качественных достижений массовой работы, он у нас и сейчас еще далеко не полный. Но мы идем к тому, чтобы этот вид учета наладить,—добиться его. Мы не можем, конечно, скрывать, что эта работа, даже и по нашему, проходила недостаточно удовлетворительно. Были удачны, были и неудачны; были многолюдны, торжественны, были и жидки, и грустны. И то и другое было.
>
> Подытожив по сегодняшнее число всю проделанную нами по городу и уезду подготовительную работу, мы имеем сеть в следующем виде:

Школ норм. типа	Школ сокр. типа	Кр-ков самообраз.	Индивид.	Кр-ков ленинизма	ВСЕГО

Мы, конечно, не против лирики. Но... почему же не дать цифр?

РАВНОПРАВИЕ

В Ялте медработники неудовлетворены тем, что по советским законам не может быть и речи о каком бы то ни было неравноправии между женщинами и мужчинами. Решили превзойти законы страны Советов:

> В поликлинике им. Семашко Южкрымкурупра (Ялта) больным вместо кальсон выдают дамские панталоны. Больным приходится носить без смены собственное белье по три недели.

Заведующий поликлиникой удивляется, — чем больные недовольны? Что за отсталость, на самом деле?!

БОЛОТНОЕ

Раньше попрекали «мещанством». А некий начальник N-ского погранотряда ОГПУ, Болотный, попрекает своих красноармейцев «благородством»:

> Комендант погранотряда просит у начальника Болотного средств на покупку сковород, чугунов и поварежек для кухни отряда и вилок для людей. Болотный накладывает такую резолюцию:
>
> «Никаких сковород, чугунов и поварежек не полагается. Никаких вилок — слишком будет благородно и не по-русски!»

Что можно сделать с таким Болотным? «Крокодил» собирался вилу ему в бок сунуть, но тов. Пограничник предлагает такую меру:

— Послать Болотного в отряд, начальником коего он является, а то живет Болотный от отряда в 500-х верстах, в гор. Улале, и в ус не дует!

Куда не дует Болотный—нас не интересует! А вот почему никто самого Болотного никуда не дунет,—непонятно!

ЭКОНОМИЯ НА ПРЕДАТЕЛЯХ

Издаваемая в Кинешме, Иваново-Вознесенской губернии, газета «Приволжская Правда» задалась весьма похвальной целью опубликовать портреты английских социал-предателей. Но... тут подвернулся режим экономии, и вышло вот что:

И то правда,—чего с ними стесняться?! Все они, как один!!

СУБОРДИНАЦИЯ

— Ну как же, товарищ? Ответ какой-нибудь будет? На склад, что-ль, везти, или назад повертывать?

Лысая голова, к которой полушубок обратился с этим вопросом, поднялась от груды бумаг и тоскливо, сквозь пенснэ, посмотрела на вопрошавшего.

— Эх!—поморщилась голова.—Ну что б вам на часок-то пораньше! До 12 ведь—доклад! Ну, только что я с доклада. Ну, как я опять сунусь? Приходили бы завтра, что ли?

Полушубок нисколько не удовлетворился таким ответом.

— До чего чудно, ей богу, вы рассуждаете! Что же я, с обозом-то до завтра дожидать должен? Дошш... Брезенту не захватил... Доложитесь уж как-нибудь, раз такой случай.

Лысая голова поднялась вместе с туловищем, на которое она была насажена, и выразила полную растерянность.

— Эх!—сказала она.—Не любит, понимаете ну, не любит, чтобы не во-время беспокоили.

— Известно,—сказал полушубок.—Какая любовь?

Все-таки двинулись к двери кабинета.

Перед дверью лысая голова начала проявлять некоторые странности. Сначала она приложилась ухом к щели, а затем, пользуясь имеющимися на ней глазами, заглянула в замочную скважину. Что она там увидела, неизвестно, но, тяжело вздохнув она сказала:

— Заняты-с! Обождать придется!

Обождали.

— Ну что ж, гражданин?—сказал полушубок.—Как же? Дошш ведь...

Лысая голова проделала те же операции и, набравшись смелости, приотворила дверь.

— Кто?—тотчас же раздался голос.—Ну?

Быстро отпрянув, голова закрыла дверь.

— Обождать надо,—прошептала она.—Сердятся.. .

Полушубок ответил уныло:

— До коих же ждать? Уж шли бы, раз голос подают...

Все-таки обождали.

— Так как же, гражданин?—начал снова полушубок.—Попробовали бы, благословясь. Всего одно слово: вертать или на склад вести?

Но голова начала часто хлопать глазами и морщиться.

— Ну что бы на часок-то пораньше, говорила она.—А? К докладу бы! Поди теперь, подступись... Эх!

Она подошла к двери и постучалась.

— Ну же! ну! ну!—раздалось оттуда.

Смертельная бледность покрыла голову.

Видно было, что туловище, на которое она насажена, хоть зарежь его, не может сделать ни шагу.

В наступившей мертвой тишине слышно было отодвиганье стула в кабинете и шаги... Жуткие шаги! По мере приближения этих шагов, глаза на голове расширялись и расширялись.

И когда дверь кабинета открылась, пропустив в щель чью-то взлохмаченную голову, глаза занимали больше половины головы...

— Кто?—спросил взлохмаченный человек.—Ну?

Но, увидавши голову, человек тотчас же осклабился:

— Вы, Петр Алексеевич? Почтение... Начальника вам? Нету его... В согласительной комиссии!

В. Авилов.

СЛУШАЙ УХОМ, А НЕ БРЮХОМ

Об умелом хозяйствовании сибирских кооператоров свидетельствуют следующие выписки из протоколов:

Слушали: О списании безнадежных долгов по Московской конторе (СКС).
Постановили: Списать на счет убытков безнадежные долги на 12.907 р. 66 к.
Слушали: О предоставлении квартиры тов. Оболенскому.
Постановили: Поручить управлению делами подыскать для тов. Оболенского комнату.

Не то, дорогие (даже очень!) товарищи, слушаете! Вы лучше бы послушали, что говорят рабочие о снижении цен, о вашем хозяйствовании. Поучительно было бы вам послушать. Тогда, может быть, и постановили бы что-нибудь путное!

НИЧЕГО СЕБЕ — ПОРЯДОЧКИ!

Рабкору Жало со Сталинского завода, в Донбассе, приходится не столько жалить, сколько жаловаться:

Помоги, дорогой «Крокодил», справиться с мастером Сургаловым. О его халатности, злоупотреблениях и грубости, вплоть до рукоприкладства, сообщалось в газете «Диктатура Труда», но толку не получилось. Администрация цеха дала для виду отпуск Сургалову, а теперь он опять появился на старом месте, а все—связи с начальником цеха—Кноблахом.

Не от того ли Сургалов и рукоприкладствует, что у него такая «сильная» рука имеется? А мы по сургаловой «руке» вилой, вилой! Что, т. Кноблах, чувствуете?

ЛЕТУЧИЙ НАРОД

Рис. Ив. Малютина

Переброски деревенских работников не прекращаются.

— Ты, приятель, лошадей-то подожди распрягать. Пойди пока чайку попей, а меня тем временем наверняка куда-нибудь перебросят.

Издательство „Рабочей Газеты"—Москва, Тверская, 3. Ответственный редактор Н. И. Смирнов.

Главлит № 74073. Типография „Рабочей Газеты", Москва, Сущевский вал, д. 63. Тираж 175.000.

Рис. Ю. Ганфа

ДЕЛО МАСТЕРА БОИТСЯ

— Что это? Мороз какой — а баба наша растаяла!
— А это мастер наш с пьяных глаз вчера ее лапал. Видит — баба, — он и полез.